

Пока Му Сычэнь был занят, Чи Лянь и Чэн Сюйбо тоже не сидели сложа руки.

Они выполняли второй этап плана.

Чи Лянь побежала обратно в офис на четвёртом этаже и привела на седьмой этаж одиннадцать пациентов, оставшихся в помещении.

Эти пациенты ещё не были зарегистрированы и им не распределили палаты, поэтому под присмотром врача они могли свободно перемещаться по больнице.

Десять обращённых послушно взвалили на себя потерявшую сознание Кэ И и втиснулись в палату Шэнь Цзиюэ.

В палате Чэн Сюйбо с ручной тележкой ждал возвращения Му Сычэня.

Хотя Шэнь Цзиюэ имел смутное представление о плане Му Сычэня, он всё же не понимал, откуда взялась тележка Чэн Сюйбо и что именно собирается делать Му Сычэнь.

Он лишь молча перенёс глаза-волдыри с тела Чэн Сюйбо на своё собственное.

Вернувшись в палату 704 и увидев, что заражение Чэн Сюйбо устранено, Му Сычэнь почувствовал ещё большую благодарность к Шэнь Цзиюэ.

Впрочем, сейчас выражать признательность было уже некогда: он собирался доказать реальными делами, что доверие Шэнь Цзиюэ к ним было безошибочно.

Му Сычэнь сделал лёгкий жест рукой, и в его ладони появилась кирка. Кивнув Чэн Сюйбо, он произнёс:

— Ускоряемся. Крушим всё, до чего дотянемся.

— Понял! — Чэн Сюйбо засучил рукава.

Му Сычэнь замахнулся киркой и изо всех сил ударил по стене палаты. В ней образовалась огромная дыра, а летящие обломки и земля были идеально подхвачены ручной тележкой Чэн Сюйбо, после чего он вынес их и выбросил за дверь палаты.

Стена рухнула, открыв испуганные лица пациентов в соседней палате.

Му Сычэнь и Чэн Сюйбо как ни в чём не бывало ворвались в соседнее помещение и бросили находившимся там людям:

— Расширение больничных палат, подвиньтесь.

Они разнесли стены десятка палат подряд. Чэн Сюйбо усмехнулся:

— Знаешь что? Когда я играл в эту игру, то думал, что это градостроительный симулятор, где можно управлять экскаватором. Кто бы знал, что после попадания сюда окажется такой паршивый мир: ни тебе экскаваторов, ни буровых установок, ни стройки. И только сейчас я наконец-то почувствовал радость созидания.

— Никакого созидания, сплошной снос, — без тени смущения крушил стены Му Сычэнь.

Му Сычэнь совершенно не брал в расчет несущие стены: в конце концов, это был верхний этаж, и даже если снести одну стену, здание мгновенно не рухнет.

Он занимался сносом с помощью самого базового инструмента, не используя никаких особых навыков и не тратя очки энергии, вот только шкала выносливости падала стремительно.

Поскольку их атаки были направлены на материальное строение санатория и не расшатывали его правила, некоторое время никто даже не пытался им помешать.

Му Сычэнь пробил насквозь все помещения по ту же сторону, что и палата 704. В этом крыле находились исключительно палаты, насчитывавшие добрых два десятка комнат.

Проломы в каждой стене получались достаточно широкими, чтобы через них могла пройти больничная койка.

Закончив крушить стены, они вдвоём, по одному, покатали две больничные койки через огромные дыры в стене прямо в комнату 704, доставив их в палату Шэнь Цзюэ.

Больничные койки сами по себе предназначались для перемещения, но поскольку пациенты были привязаны к ним, а дверные проемы палат были крошечными и пропускали лишь одного человека, выкатить койки наружу обычным путём не представлялось возможным.

Ручная тележка Чэн Сюйбо обладала пространственными свойствами: какой бы крупный предмет ни засунули в неё, его можно было вынести насовсем.

Именно благодаря этому он и смог извлечь койки из палат.

Правда, сейчас они не собирались выводить пациентов из палат и не использовали тележку для транспортировки коек — они лишь заставили пациентов кочевать из одной палаты в другую.

Шэнь Цзюэ собственными глазами наблюдал, как в его палате в мгновение ока скопилось больше двадцати коек. Му Сычэнь посчитал его палату недостаточно просторной и проломил стены соседних помещений, объединив их в одно большое пространство, способное вместить всё это множество коек.

— Что ты в конце концов затеял? — спросил Шэнь Цзюэ.

— Собрать как можно больше пациентов вместе, не давая санаторию времени на изменение дополнительных правил, — Му Сычэнь улыбнулся с некоторой дерзостью.

В этот момент Чи Лянь тоже влетела в палату вместе с одиннадцатью пациентами:

— Идём, идут!

В расширенной палате 704 внезапно оказалось свыше тридцати пациентов, а также бросившиеся вслед за ними родственники.

— Вы... что вытворяете?! — в шоке воскликнули родственники. — Я иду искать врача!

Выпалив это, несколько остолбеневших родственников выбежали наружу в поисках помощи.

Однако было ещё до двух часов дня, и врачи вовсю были заняты поисками пациентов в своих кабинетах, и лишь один Яо Ванпин рыскал по всей больнице в поисках бесплотной колонны — никто и не думал обращать на них внимание.

Родственникам ничего не оставалось, как предупредить волонтёров, а те передали информацию дежурным охранникам, чтобы те связались с Последователями Пернатого Ока для наведения порядка.

Таков был экстренный план санатория: при появлении склонных к насилию пациентов задействовали Последователей Пернатого Ока.

Но поскольку Последователи Пернатого Ока не дежурили внутри самого санатория — родственники предупреждали волонтёров, волонтёр бежал на первый этаж к охранникам, охранники связывались с Последователем Пернатого Ока, а тот ещё должен был добраться...

Времени уходило слишком много.

Собрав пациентов вместе, Му Сычэнь как раз рассчитывал выиграть зазор по времени: к тому моменту, как прибудет Последователь Пернатого Ока, они, скорее всего, уже выманят колонну.

— Сейчас я пойду на небольшой риск, — Му Сычэнь передал Чи Лянь один стикер «Я». — Ты отвечаешь за контроль моего психического состояния. Как только почувствуешь, что я балансирую на грани безумия, наклейте на меня этот стикер.

— Какой момент считать гранью безумия? Как мне это понять? — спросила Чи Лянь.

Му Сычэнь ответил:

— Для тебя это проще простого. Когда почувствуешь, что я больше не заслуживаю доверия, значит, я близок к безумию.

Чи Лянь была его последовательницей, верившей в него в его истинном состоянии. Как только его рассудок рухнет, вера Чи Лянь как последовательницы тоже пошатнётся, и никто лучше неё не смог бы определить предел его психической выносливости.

— Хорошо! — Чи Лянь приняла задачу, но всё же с беспокойством спросила: — Что ты собираешься делать?

Му Сычэнь ответил с полной серьёзностью:

— Я хочу заставить правила этого санатория вступить в противоречие друг с другом.

Завершив приготовления, Му Сычэнь, волоча за собой кирку, подошёл к Шэнь Цзиюэ и произнёс:

— Согласно первоначальному плану, перенеси заражение со своего тела на меня. И ещё: мне нужно взглянуть на то зеркало, в котором отражается свет Большого Глаза.

Шэнь Цзиюэ вздохнул:

— С виду ты такой интеллигентный, как тебе в голову приходят столь безумные идеи? Чуть остудишься — и сорвёшься в безумие.

— Путь назад нет. В этом мире либо сходишь с ума, либо побеждаешь, — твёрдо произнёс Му Сычэнь.

С самого момента попадания в санаторий Му Сычэнь действовал предельно осторожно, сдержанно и рассудительно собирал информацию, ступая по каждому шагу, словно по тонкому льду.

Он надеялся защитить себя, уберечь доверившихся ему людей, страшился потерь и боялся

сойти с ума, из-за чего его поступки были скованы со всех сторон.

Теперь же Му Сычэнь уяснил одну истину: в борьбе с безумием требуется вовсе не абсолютная рациональность.

Яо Ванпин обладал абсолютным разумом: ради достижения цели он мог хладнокровно взирать на впадающих в безумие людей и игнорировать жизнь и смерть товарищей. Но подобная абсолютная рациональность лишала его человечности, уводя в другую крайность.

Уровень рассудка символизировал не силу, а состояние психического баланса.

Этот показатель не мог падать до отрицательных значений, но не мог и превышать сотню.

Рассудок мог балансировать лишь между нулём и сотней, сохраняя человечность на стыке здравого смысла и безумия.

Вот что такое настоящий человек — ничтожный, но несокрушимый.

Он не будет полностью заражён: даже если у него останется всего одно очко рассудка, он обязан с помощью этого единственного очка уничтожить колонну!

Он собирается устроить в этом санатории грандиозный переполох!

Шэнь Цзюэ с унчанием в голосе произнёс:

— Я буду держать всё под контролем.

Пациенты могли по собственной воле переносить заражение на родственников, иначе Яо Ванпин не смог бы так легко получить статус врача.

Хотя у Му Сычэня висел бейджик волонтёра, по своему истинному статусу он оставался родственником, а значит, был способен принимать переносимое заражение.

Шэнь Цзюэ приложил ладонь к глазам Му Сычэня и предупредил:

— Не закрывай глаза.

Му Сычэнь воочию увидел, как жуткие волдыри прильнули к его глазам.

Странное ощущение окатило его: Му Сычэнь почувствовал, будто его глаза омывает теплая

вода. Это чувство не доставляло дискомфорта, напротив, в нём было нечто успокаивающее.

Вскоре его глаза выкатились наружу, а тело покрылось отвратительными пупырышками.

Стоило Му Сычэню ощутить боль, как Шэнь Цзюэ убрал руку.

Глазные яблоки Му Сычэня сделали полный оборот вокруг своей оси, и он заметил, что глаза Шэнь Цзюэ вернулись в норму — следы от волдырей остались лишь на его левой щеке и на шее, а остальное тело снова выглядело вполне по-человечески.

Шэнь Цзюэ и впрямь оказался необычайно красивым мужчиной: судя по уцелевшей правой половине лица, его характер отличался безмятежностью, даруя окружающим ощущение незыблемого покоя.

Словно луна посреди глухой ночи, чей мягкий свет ласкает людей, озаряя путь во мраке.

Шэнь Цзюэ вздохнул:

— Ощущения от этого не из приятных. Надеюсь, ты сумеешь поскорей прийти в норму.

Практически утративший человеческий облик Му Сычэнь протянул руку и тронул то самое зеркало, одного взгляда в которое Шэнь Цзюэ едва не хватило для полного «исцеления» и выписки.

Шэнь Цзюэ поднял зеркало и качнул им перед лицом Му Сычэня.

В одно мгновение левый глаз Му Сычэня налился кровью. Ему показалось, что бесчисленные лучи хлынули прямо в его зрачки, и в каждом луче угадывался образ Большого Глаза.

В голове Му Сычэня резко помутилось, и уже утихшее пение хора вновь зазвучало в ушах. Перед глазами возник образ Большого Глаза, купающегося в сиянии святого света и манящего его к себе.

В этот момент он почему-то вовсе не находил Большой Глаз уродливым или страшным — напротив, в глубине души поднимался непреодолимый импульс пасть ниц в поклонении.

Его рассудок наверняка упал ниже десяти единиц, в голове роились безумные мысли, а выражение лица исказилось.

— Ничего, ещё теплится капля трезвости, — Му Сычэнь постучал себя по голове.

На тотеме у него на груди вспыхнула частая колющая боль, словно сияясь вернуть его разум.

Му Сычэнь прижал руку к груди и тихо пригрозил:

— Цинь Чжоу, если ты посмеешь помешать мне, я выкопаю тебя наружу.

Колющие ощущения постепенно сошли на нет, и Цинь Чжоу, судя по всему, оставил попытки остановить Му Сычэня.

Волоча за собой кирку, он направился к стоявшему в очереди за Чи Лянь обращённому и настоящему врачу Кэ И. С безумной ухмылкой он пробормотал:

— Большой Глаз... точнее, Око Небес, я ведь теперь тоже вроде как твой последователь, верно? Одолжи-ка мне немного сил.

Стоило ему произнести слова Око Небес, как на его левом глазу проявился тотем: в зрачке отражались три небесных светила — солнце, луна и звёзды, создавая впечатление, будто под этим взором лежит вся вселенная.

Кровавый свет окутал кирку.

Му Сычэнь нацелился на одного из обращённых и обрушил на него кирку — алое сияние, подобно взгляду, обволокло этого последователя.

Заражённый Шэнь Цзюэ и наглядевшись на проекцию Большого Глаза в зеркале, Му Сычэнь в этот момент вплотную приблизился к статую исцеляющегося пациента, да к тому же состоял в рядах последователей Большого Глаза.

Покрывавшие его тело глаза-волдыри и душевное заражение давали эффект, схожий с действием тотема Цинь Чжоу: стоило ему искренне вознести молитву, как через подглядывание за левым глазом Большого Глаза он обретал тотем, испрашивая силы у самого божества.

Воспользовавшись этой силой, Му Сычэнь обратил только что обретшего веру в Цинь Чжоу последователя обратно в адепта Большого Глаза.

Нагрудный бейджик этого последователя также сменился на волонтерский.

В то же время в руке Му Сычэня возник сверкающий кровавым светом стикер «Я».

На сей раз Му Сычэнь переманил чужого последователя у Цинь Чжоу, обратив его

приверженца в слугу Большого Глаза.

Как и следовало ожидать, во всём санатории тут же взвыл алый свет, а по громкоговорителям зазвучали непрерывные сигналы тревоги.

Ведь число пациентов сократилось.

Использовались ли взаимозамена статусов пациента и родственника или функция вырезать и вставить Чи Лянь, общее количество пациентов уменьшиться не могло.

Согласно правилам санатория, существовал лишь один законный способ сокращения числа пациентов — выписка.

Му Сычэнь же воспользовался навыком переманивания, заставив пациентов, принадлежавших Падшему, стать последователями Большого Глаза. Это было вовсе не лечение больных, а прямое задействование сил Большого Глаза ради переманивания сторонника.

В стенах больницы любой последователь автоматически получался волонтером.

Пациенты убывали жутким, противоестественным путём, однако выпиской это не являлось — налицо было вопиющее нарушение правил санатория.

Но ведь незадолго до этого Му Сычэнь собственноручно прописал дополнительное правило: при совершении волонтером манипуляций с пациентом запрещается прерывать действия волонтера и наносить ему вред. Согласно этому правилу, никто не смел чинить препятствия Му Сычэню.

Правила санатория вступили в жесточайший конфликт друг с другом.

Автоматически функционирующий санаторий на мгновение словно потерял способность разрешать подобные коллизии: он лишь изрыгал тревожные сирены, не предлагая никаких вариантов решения.

— Не теряем времени, следующий, — левый глаз Му Сычэня полыхал кровью, а облик его напоминал демона.

Он методично взмахивал киркой, нанося удары по десятку обращённых, врачу Кэ И, а также по более чем двадцати пациентам, которых они притащили из других палат, и на теле Му Сычэня множилось кроваво-красные стикеры «Я».

— Тревога, тревога! Кто-то нарушает правила санатория! Тревога, тревога! — грохотал динамик на весь санаторий, и каждый обитатель слышал эти раскаты.

К этому моменту Му Сычэнь собрал уже двадцать стикеров «Я».

Внезапно потолок над головой с грохотом проломился, и оттуда камнем рухнул человек — это был Последователь Пернатого Ока.

Получив сигнал бедствия от волонтёра, он немедленно помчался в санаторий.

Завидев Последователя Пернатого Ока, Чи Лянь и Чэн Сюйбо решительно залезли под больничную койку Шэнь Цзюэ, не смея даже поднять на него взгляд.

Последователь Пернатого Ока вознамерился тут же прикончить устроивших беспорядки в больнице, и глаза на его левом крыле синхронно распахнулись, устремив свой взор на Му Сычэня.

Однако вившийся вокруг Му Сычэня густой туман санатория надёжно оградил его от угрозы.

Дополнительное правило номер три: при совершении волонтёром манипуляций с пациентом запрещается прерывать действия волонтёра и наносить ему вред.

Это вето распространялось даже на Последователя Пернатого Ока.

Тот на секунду замер в изумлении, а приглядевшись внимательнее, обнаружил, что Му Сычэнь усердно увеличивает паству Ока Небес. Последователь опешил, оставшись стоять на месте в глубоком замешательстве.

Что здесь вообще творилось? Зачем ему уничтожать столь истового адепта Ока Небес? Какой потрясающий последователь! Только поглядите, скольких падших он обратил в вереницы Ока Небес — это же поистине выдающаяся заслуга, заслуживающая высочайшей похвалы, — на полном серьёзе думал Последователь Пернатого Ока.

Даже Последователь Пернатого Ока оказался бессилен против Му Сычэня, а тот тем временем заполучил двадцать первый стикер «Я».

На его спине вырос огромный глаз, и сам он давно перестал походить на человека — лишь в паре выпученных лягушачьих глаз всё ещё теплилось подобие человеческих чувств.

Оставалось лишь гадать, сколько очков рассудка у него осталось и хватит ли их на поддержание остатков разума.

Эта мысль мелькнула на периферии сознания Му Сычэня, но на долгие размышления сил уже не оставалось. Единственное, что он мог делать — это взмахивать киркой, продолжая испытывать на прочность пределы санатория и стягивая к себе все взгляды.

Двадцать второй! Му Сычэнь припрятал стикер «Я», но едва он собрался снова занести кирку, как из-под его ног брызнуло сияние, окутавшее его с головы до ног.

Под ногами Му Сычэня материализовался гигантский глаз, в зрачке которого горели три зрачка поменьше, отражавшие солнце, луну и звёзды.

Это был тот самый тотем Большого Глаза!

Сидевший на койке Шэнь Цзюэ тут же поднялся на ноги, а на его бесстрастном лице проступил редкий отблеск глубокого волнения.

Колонна!

Му Сычэню удалось добиться своего: он наконец вынудил колонну сфокусировать на нём всю полноту своего внимания, и прямо под его ногами возник сверкающий столп света, сотканный из сотен устремленных взглядов.

С появлением колонны по всему санаторию раскатился голос громкоговорителя:

— Ошибка! Ошибка! Коррекция! Коррекция! Удалить дополнительное правило номер три, уничтожить волонтёра Чжан Саньсяня!

На доске правил управления на первом этаже только что записанное дополнительное правило номер три было стерто невидимой силой.

Следом за этим привязанный в туалете первого этажа волонтёр растворился в воздухе.

Исчез волонтёр Чжан Саньсянь, а не родственник Ша Даянь.

Му Сычэнь стоял в самом центре светового столба, балансируя на грани жизни и смерти.

<http://bllate.org/book/20573/2055867>